

Из книги Ю. Римантаса "Пятрас Римша рассказывает" /на литовском языке/ о Н.К. Рерихе /стр.314-318/ 1964 г.

"ОДНАЖДЫ У НИКОЛАЯ РЕРИХА

В ноябре 1936 года в Нью-Йорке во время моей выставки внимание литовцев, живущих в Америке, привлекли две статьи, опубликованные в русском ежедневнике "Рассвет", издаваемом в Чикаго. Одна из них была названа "Литва", вторая - "М.К. Чюрлёнис". Обе написаны увлекательно, с глубокой любовью к Литве и литовцам. На них последовали многочисленные отклики в литовской печати Америки под названиями: "Картины, прославившие Литву по широкому свету", "Наш путь со знаменем мира" и т.д. Автор тех статей был Николай Р е р и х /1874-1947/, место, где они написаны, - Урусвати в Гималаях. Они меня сильно привлекли к себе. Во-первых, автор статей знакомый ещё из Петербурга, где он был директором мною посещаемой художественной школы. Немного тогда пришлось с ним встречаться. Личного контакта не было. Немного позже в Москве /приблизительно в 1915 году/ его не раз вспоминал Юргис Балтрушайтис, называя Рериха приятелем литовцев. Вот и все. Но после первой мировой войны это имя все чаще и чаще приходилось слышать. О Рерихе, как художнике мыслителе, стали немало писать. Он стал известен более широкому миру и своими картинами, и общественной деятельностью, стремившейся, кроме прочего, сохранять исторические и научные богатства всех народов. Лозунг этой деятельности: "Мир через культуру". И особенно удивляла большая популярность Рериха в Америке. В мои годы в печати его имя часто упоминалось. Это было в связи с международным пактом охраны культурных ценностей, просто называемым пактом Рериха, который 15-го апреля 1935 года в кабинете президента Ф.Рузвельта, в Белом доме, в Вашингтоне, ратифицировали США и все члены панамериканского союза /республики Средней и Южной Америки/.

Пакт Рериха, назван именем инициатора, провозглашал, что просветительные, художественные и научные учреждения, художественные и научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий считаются нейтральными и враждующими странами охраняются и уважаются. Во всех странах мира пакт стали воспринимать как новую ступень в развитии международных отношений и называть Красным крестом культуры. На эту тему много говорилось. Особенно актуальной её сделала гражданская война в Испании, во время которой было уничтожено много ценных памятников искусства, в том числе немало произведений Гои, даже целые художественные галереи и необыкновенные здания. Трагедия Испании во многом использована как стимул для ратификации пакта Рериха. Имя Рериха в то время звучало как сильная гуманистическая идея. Мысль пакта ведь благородная и сама

собой понятна: во время войны и внутренних распрь, когда культурным ценностям грозит опасность уничтожения, на всех таких зданиях должно быть поднято "Знамя мира". Его составляли красный круг с тремя соприкасающимися шариками на белом фоне. Это уже символ. Три шарика, как объясняли одни, означают братство, искусство и науку, другие - достижения человечества в прошлом, настоящем и будущем.

Рерих стал "гражданином мира". Прошло уже несколько лет, как он постоянно жил в Индии /с 1920 года/, но бывал и в других местах: в Азии, Европе, Америке. С 1925 года он руководил большой экспедицией по горным районам Тибета и Гималаев. Экспедиция продолжалась пять лет. Когда нашлись сочувствующие, в 1923 году в Нью-Йорке был создан музей Рериха с 315-ью картинами. Позже он был пополнен прекрасной серией "Гималаи". Еще позже число их возросло до 1500 и даже больше. Музей считал своей задачей быть международным центром искусства /International Art Center /. В нем как раз была выставка моих работ,

- Мы должны навестить Рериха! - кто-то из литовцев сказал мне, когда те статьи были прочитаны. - Надо поблагодарить и поговорить.

- Согласен. С большим удовольствием! - одобрил я.

И, кажется, вчетвером в какой-то ноябрьский день мы отправились. Тесный контакт установился после первых же слов: достаточно было сказать, что мы - литовцы. Рерих заявил, что с литовцами встретиться ему издавна приятно. Называл много имён, но особенно подчёркнуто Чюрлёниса, Бргиса Балтрушайтиса, которого называл "великим литовским поэтом" и своим другом. Помню, нас привлёк патриархальный облик художника, спокойный взгляд, восточная шапочка. По своему общему характеру он мне показался похожим на духовное лицо какой-то религии.

Один из нас поблагодарил Рериха за его красивые статьи. Этого оказалось достаточно, чтобы начался наш разговор на тему о статьях.

- Обе статьи, - говорил Рерих, - отрывки моего дневника. Пишу от сердца. В дневнике я наиболее свой. Литва для меня святое имя не только из-за своих красивых исторических легенд, но и из-за пережитых впечатлений, когда я с женой Еленой Ивановной был там в 1903 году. А ваш язык - ближайший родственник санскрита. Поговорите.

И мы, помню, начали разговаривать по-литовски. Рерих знал немало литовских слов. Некоторые он пробовал объяснять, сравнивать с другими языками. Он вспомнил свои беседы с В. Стасовым и Владимиром Соловьевым о Литве, о её родстве с Востоком и сказал: "У Литвы было всегда много друзей". Больше, кажется, мало что нового услышали мы от Рериха, кроме того, что уже было им написано и нами прочтено, особенно запоминая слова: "Среди разных посещенных народов Литва оставила самое приветливое воспоминание". Он упоминал свои произведения на литовскую тематику:

"Кони", "Вайделоты", "Перкунас", "Ковенский костёл", "Развалины замка на Немане", "Древняя церковь около Гродно" и другие. А когда вспомнил Чюрлёниса, то сказал:

— От души рад, что литовский народ признал Чюрлёниса. Каждое признание ценностей всех веков и народов надо приветствовать.

Это основная мысль статьи Н. Рериха "М.К. Чюрлёнис". Я не совсем её понял. Рерих признание Чюрлёниса считал для себя "новостью из Литвы". Но я не знал, чтобы в 1936 году что-либо произошло. Чюрлёнис, правда, для нас всё ещё был "другими указанный и признанный", а не нами самими выданный и глубоко осознанный, но уже со времён первой литовской художественной выставки /1907/ мы его считали своеобразным и знаменитым художником, даже знаменосцем. Ничем на те слова Рериха я не реагировал, потому что не знал, что там в Литве, из которой год тому назад уехал, происходит. Подумал, а может там какое новое слово о нём сказано. И вот Рерих в далёкой Индии, а не я его раньше услышал. Увы, о Чюрлёнисе новое слово не сказано. Ограничились уже наскучившим повторением мыслей Иванова и заявлениями представителей "Мира искусства".

Для меня было новостью роль Рериха в деле возвышения и признания искусства Чюрлёниса в Петербурге. На этот раз он сам высказался, что в то время, когда в "Мире искусства" шла дискуссия по вопросу Чюрлёниса, Рерих был его председателем. Его самого Чюрлёнис удивил и привлёк в то же мгновение, как только его встретил, кажется, у Добужинского. И было приятно слушать очень благосклонные отзывы Добужинского, Александра Бенуа и других. И благодаря этому кружку, Чюрлёнис вскоре был признан, хотя не было недостатка и в его отрицателях. Они Рериха все время удручали. Он писал:

"Хватит уже былого невежества — мрака, когда разные пути истории нам указывают, как лучшие достижения человека были оклеветаны, растоптаны. Хватит грубых отрицаний. Нация может жить только светлым утверждением. Когда происходит стройка — все происходит".

Рерих Чюрлёниса называл от природы вдохновенным художником. Только таким будучи, он одним взмахом создал свой стиль, свою тональную концепцию и гармонию соответствующую конструкции. Беседа была тёплой и возбуждающей энтузиазм. В небескрёсе далёкого Нью-Йорка мы слышали слова того, имя которого широко звучало в тогдашнем мире. Рерих к нам тогда обратился:

— Маленькая просьба. Каждый день чреват опасностями для культурных достижений человечества. Скажите, чтобы ваша родина скорее вступила под Знамя мира.

Мы поняли, что этими словами Рерих приглашал Литву присоединиться к пакту Рериха. Он лучше меня знал, что такое движение уже началось,

и был очень рад. Как раз в конце 1936 года в Литве была проявлена инициатива для поддержки пакта Рериха. Несколько десятков представителей науки, искусства и культуры тогда /11.XII.1936/ вручили властям меморандум, прося ратифицировать пакт Рериха. Кажется, это и было сделано.

Из разговора было ясно, что Рерих Литву довольно хорошо знает. Потому мы спросили:

- С какого времени вы стали интересоваться Литвой?

- Трудно сказать, - ответил Рерих. - Может ещё с детства. А уже по-настоящему - в Художественной академии Петербурга. Познакомился по книгам. И совсем неплохо познакомился с Литвой в 1900 году. Тогда я прибыл в Париж посмотреть всемирную выставку. На ней меня как раз очень привлёк литовский отдел во дворце Трокадеро. В нём была показана горестная история вашего народа. Разговаривал с молодыми парнями моих лет. Запрещена печать! - было основное их горе. А мне было стыдно из-за этого варварства. И с того времени я Литвы не оставил: она на всё время осталась в моём сердце. Но особенно запомнился 1903 год, когда я был счастлив, имея возможность путешествовать по Литве. А впечатления-то написал. Правда, очень малую часть. Их много и они очень тёплые. Основа - это картины и эскизы, большое число которых исчезло. В Литву больше всего меня привлекало желание найти старые источники культуры человечества.

Когда я сказал, что Всемирная парижская выставка для меня тоже памятна, потому что на ней экспонировались две палки моей резьбы, Рерих прибавил:

- Так, я их действительно видел.

Прощаясь Рерих говорил:

- Литва всегда близка моему сердцу. Старая её культура и язык сегодня привлекают, а в будущем ещё больше привлекут внимание мировой научной мысли. В ней я нахожу много души Востока. Мое самое большое желание - может даже в ближайшем будущем поехать в Литву. У вас есть друзья и в Индии. Несколько моих приятелей часто упоминают Литву, как родственную страну, и хотели бы её навестить. Может даже вместе со мной. Я сам буду счастлив, если смогу создать новые картины на тему литовской природы, истории, людей. Меня привлекает и ваше необыкновенное народное творчество.

И уже прощаясь, Рерих ещё прибавил:

- Но раньше вы приезжайте посмотреть Индию. Страна чудес. Там корни и литовской души.

Прибытие Рериха в Литву в те годы не одного интересовало. Моя

приятельница Гонората Иванаускене была этой мыслью просто больна. Во время моего пребывания в Америке она тоже была там, кажется, у своих дядей в Чикаго. Помню, будучи в Нью-Йорке, она пригласила меня помочь ей осмотреть музей Рериха. Это было в конце сентября 1937 года. Гонората восхищалась искусством художника, приобрела целый ворох репродукций и торопила меня позаботиться о том, чтобы он не забыл приехать в Литву. Много лет спустя, те разговоры мне напоминает записка Г.Иванаускене из Чикаго мне в Бруклин, в которой она писала /5.X.1937/: "И виды Рериха остались в вашем портфеле. Давайте обязательно писать Рериху".

Кажется, такое письмо и было написано.

Рерих в моём сознании - это вайделот. Для меня он - странствующий певец и жрец, своим достоинством воздействующий на среду, несущий добро; это человек, перешагнувший пределы любого народа своей благородной совестью, сияющий добротой и правдой, любовью и красотой".

4

An extract from J. Rimantas's book - Petras Rimša Narrates,
published by the State Publishing House,
Vilnius, 1964.

Chapter 5, page 314.

ONCE AT NICHOLAS ROERICH'S

At the time of my exhibition in New York in November 1936, two articles, published in the Russian daily newspaper "Rassviet", in Chicago, attracted the attention of the American Lithuanians. One of the articles was headed "Litva" and the other - "M.K.Čiurlionis". Both articles were written with great feeling, expressing profound affection for Lithuania and the Lithuanians. These articles were followed by numerous comments in the American-Lithuanian press under the headlines: "Pictures Giving World-wide Fame to Lithuania", "Our Way is with the Standard of Peace" etc. The author of those articles was Nicholas R o e r i c h (1874-1947), he wrote them in Urasvatis Himalaya. They attracted me greatly. First of all I got acquainted with the author in St. Petersburg. He had been the director of the art school which I attended. I did not see him often at the time. I had no personal contact with him. Later in Moscow (about 1915) Jurgis Baltrušaitis spoke of him quite often, and called Roerich a great friend of the Lithuanians. Well, that was all. But after the First World War one heard his name frequently. Much was being written about Roerich as an artist and thinker. He became known to the broader world by his paintings and social activity striving to save historical works of art and scientific treasures of all nations. The slogan of this work was: Peace through Culture. Roerich's popularity in America was quite astonishing. During my visit in the United States his name was often mentioned in the press. It was associated with the international pact for the protection of cultural treasures; commonly called the Roerich Pact, and was ratified by the United States of America and all the Pan American Alliance members (The Republics of Central and South America) on April 15, 1935 in President F. Roosevelt's cabinet, in the White House, in Washington.

The Roerich Pact, called in honor of the initiator, stated that educational, art and scientific institution and

scientific commissions, personnel the treasure of such institutions as well as the treasure of commissions and collections are considered neutral and must be protected and honored by those who are at war. In all parts of the world the Pact was being observed as a new step in the evolution of international intercourse and was called the Red Cross of Culture. Much was spoken of on this subject. It became especially actual at the time of the Spanish Civil War, during which many valuable monuments of art were destroyed, among them not a few of Goya's works, entire galleries of art and rare edifices. The tragedy of Spain was used as a means to ratify the Roerich Pact. At that time Roerich's name rang out as a strong humanistic idea. The meaning of the Pact was noble and clear in itself: in time of war and internal disturbances, when ~~the~~ danger threatens the destruction of cultural treasures, "The Standard of Peace" must be raised above such constructions. The design of the banner was a red circle with three red balls close together on a white background. It was already a symbol. Some explained that three circles meant brotherhood, art and science, others - the achievements of mankind in the past, present and future.

Roerich had become "a citizen of the world". For a number of years he had lived permanently in India (since 1920), but generally speaking he was everywhere: in Asia, Europe and in America. In 1925 he was the leader of a great expedition to the mountains in Tibet and in the Himalayan regions. The expedition went on for five years. With the help of supporters Roerich's museum with 315 pictures was established in New York, in 1923. Later it was supplemented with a wonderful "Himalayan" series. Later their number increased to 1500 and even more. The main idea of the museum was to become an international art center. In 1929 a 24 storey skyscraper was erected for this purpose. During my visit in New York, Roerich's Museum was already called International Art Center. And that's where the exhibition of my works of art exactly took place.

- We must visit Roerich; - said one of the Lithuanians, after we had read those articles. - We must express our gratitude and speak to him.

- With pleasure,- I added.

And, indeed, four of us went there in November. A close

CONTACT WAS FORMED AFTER THE FIRST FEW WORDS" IN HIS ARTICLE

contact was formed after the first few words: it was enough to mention that we were - Lithuanians. Roerich stated that it was a pleasure to meet Lithuanians. He mentioned many names, but emphasized Čiurlionis (pronounced Churlionis). He called Jurgis Baltrušaitis, "a great Lithuanian poet" and his friend. I remember that we were attracted by his patriarchal artistic appearance, his calm looks and his eastern skull cap. In character he reminded me of a priest of some ancient religion.

One of us expressed our thanks for his fine articles. That was enough to begin a conversation on the subject of articles.

- Both articles, - said Roerich, - are pieces of my diary. I write from the heart. In a diary I am mostly myself. Lithuania is a Holy name not only for its wonderful historical legends, but also for the impressions which I experienced, when my wife Elena and I visited it in 1903. Your language is the closest relation of Sanskrit. Let's talk.

And I remember we began speaking Lithuanian. Roerich knew many Lithuanian words. He tried to explain some of them and to compare them with words of other languages. He remembered his talks with V. Stasov and Vladimir Solovyov about Lithuania, and its relationship with the East and said: "Lithuania always had many friends". Then we didn't hear anything more. I noted particularly the words: "Of all the countries we visited, Lithuania has remained a wonderful memory. He mentioned his works of art by giving them Lithuanian terms: "Žirgas" (Steed), "Vaidila" (Priest /ancient/), "Perkūnas" (God of Thunder), "Kauno Bažnyčia" (A Church of Kaunas), "Pilies Griuvėsiai" (The Ruins of a Castle New The Nemunas): "Sena Cerkvė" (An Old Orthodox Church), and others. When he recalled Čiurlionis, he said:-

- I am happy, that Lithuania has recognized Čiurlionis. The recognition of cultural treasures of all ages and countries is praiseworthy.

This was the main point of N. Roerich in his article " M.K. Čiurlionis". I didn't grasp the full meaning of that at the time. The recognition of Čiurlionis was considered "News from Lithuania" by Roerich. But I didn't know that anything special had happened in 1936. It is true, however, that Čiurlionis was " pointed out and recognized" by others, but

not discovered or deeply understood by ourselves (Lithuanians). Nevertheless, from the first Lithuanian art exhibition (1907), he was considered an original and a famous painter - a banner bearer. I didn't respond to Roerich's words, because I wasn't informed of what was going on in Lithuania at that time. I had been away from my country a whole year. I thought, perhaps, something had been written about him. And so, in far away India Roerich was the first to hear about Čiurlionis and not I. Unfortunately, nothing was mentioned about Čiurlionis. Everyone was content repeating the tiresome ideas of Ivanov and others, according to the statements of the representatives of "Mir Iskustva" (Art World).

The part that Roerich played in recognizing Čiurlionis's art in Petersburg was quite a novelty to me. This time Roerich himself said, that at the time when the question of Čiurlionis was being discussed in the "Art World", Roerich was chairman. Čiurlionis had surprised and attracted him the moment he met him, I believe it was at Dobužinski's. It was a pleasure to listen to the favourable comments of Dobužinski, Alexander Benua and others. Thanks to this society that Čiurlionis was soon recognized, but, of course, there were some who were not in favour of this. Roerich was depressed by these all the while. He wrote:-

"Enough of the past ignorance. History tells us in its many ways how the greatest achievements of man were slandered and trampled down. Enough of rude denials. A nation can exist only by bright assertions; when construction is going on - everything goes on.

Roerich called Čiurlionis an inspired painter by nature. Being such as he was, by a single measure he created his style, his tone conception and harmony corresponding with the construction. The conversation was exciting and full of enthusiasm. In a skyscraper of distant New York, we heard the words of him, whose name rang out widely in a world of those days. Roerich turned to us and said:

- A small request. Everyday is full of danger to the cultural achievements of mankind. Please speak that your country might sooner stand under the banner of Peace".

We understood that with these words Roerich called upon Lithuania to join in with the Roerich Pact. He knew better

than I that this movement had already started and he was very pleased. At the end of 1936 initiative to support the Roerich Pact was apparent in Lithuania. A number of scientific, cultural, and art workers presented the government a memorandum, asking it to ratify the Roerich Pact. It seems this was done.

From this conversation it was clear that Roerich knew Lithuania well enough. So we asked him: -

- When did you begin taking interest in Lithuania?

- It is difficult to say, said Roerich. - Perhaps, since childhood. But I am sure that it was when I was at the Academy of Art in Petersburg. I got to know Lithuania from books. And in 1900 I was acquainted with it quite well. I came to Paris to see the World's Fair. I was very much attracted by the Lithuanian section at the Trocadero Palace. The history of the hardships of your people was displayed there. I spoke with the young men of my age. Repression of the press; - was their main complaint. I was ashamed of this barbarity. Since then Lithuania hasn't been out of my mind: she remained in my heart forever. But the year 1903 is especially to be remembered by me, when I had the good fortune to travel through Lithuania. I wrote down my impressions. True, a very small part only. There were many and very dear. The basis was portraits, sketches, many of which have been lost. The desire to find the ancient sources of human culture was what mostly attracted me to see Lithuania.

When I told him that the World's Fair in Paris was also an unforgettable day for me, because two of my carved canes were exhibited there, Roerich said: -

- So I really saw them.

In bidding us farewell Roerich spoke:

- Lithuania has always been close to my heart. Her ancient culture and language attracts and will continue to attract the scientific minds of the world. I find much of the spirit of the East in it. My greatest desire - perhaps, in the near future to come to Lithuania. You have friends in India. Several of my friends often speak of your country as a kin country and would like to visit it. Perhaps, even together with me. I myself will be very happy to create new pictures on the subjects of nature, history and people of Lithuania.

I am also attracted by the unusual creativeness of your people.

And, when we had already said our farewells, Roerich added:

- But first come to see India. The land of miracles. There lie the roots of the Lithuanian soul.

Roerich's coming to Lithuania concerned everyone. My friend, Honorata Ivanauskienė simply lived with this idea. During my stay in New York, she was also visiting her uncles in Chicago it seems. I remember when she was in New York, she invited me to visit Roerich's Museum. It was at the end of September, 1947. Honorata was charmed with his art. She acquired a whole collection of his reproductions, and urged me to see to his coming to Lithuania. After many years H. Ivanauskienė's letter from Chicago, written to me in Brooklyn, reminds me of those conversation in which she said:

" I left Roerich's pictures in your briefcase. We must write to Roerich".

To my mind Roerich was an ancient priest - a Vaidila. To me he was a travelling poet, who in his dignity brought goodwill to everyone, a person ~~who~~ had crossed the threshold of many nations with a noble conscience, radiating goodness and truth, love and beauty.

I am also attracted by the unusual creativeness of your people.
And, when we had already said our farewells, Roerich
added:

- But first come to see India. The land of miracles.

There lie the roots of the Lithuanian soul.

Roerich's coming to Lithuania concerned everyone. My
friend, Honorata Ivanauskienė simply lived with this idea.
During my stay in New York, she was also visiting her uncle
in Chicago it seems. I remember when she was in New York, she
invited me to visit Roerich's Museum. It was at the end of
September, 1947. Honorata was charmed with his art. She
acquired a whole collection of his reproductions, and urged
me to see to his coming to Lithuania. After many years
H. Ivanauskienė's letter from Chicago, written to me in Brooklyn,
reminds me of those conversation in which she said:
"I left Roerich's pictures in your possession. We must
write to Roerich".

To my mind Roerich was an ancient priest - a Valdis.
To me he was a travelling poet, who in his dignity brought
goodwill to everyone, a person who had crossed the threshold
of many nations with a noble conscience, radiating goodness
and truth, love and beauty.